

Т. В. ОРЛОВА

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОРМ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

МОНОГРАФИЯ

Научный редактор
доктор юридических наук, профессор
Г. И. Загорский

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОРМ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

ФОРМЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОРМ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УПРОЩЕННЫЕ И УСЛОЖНЕННЫЕ ФОРМЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

«ПРОСПЕКТ»

Татьяна Владимировна Орлова
Дифференциация
форм судебного
разбирательства в уголовном
процессе Российского
государства. Монография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21520100

Издательство "Проспект"; 2014

ISBN 9785392175970

Аннотация

В монографии дается характеристика комплексного сравнения отечественного дореволюционного и современного уголовного процесса, обосновывается необходимость существования различных форм судебного разбирательства, а также анализируются современное состояние и перспектива развития упрощенных и усложненных форм судебного разбирательства с учетом собственного исторического опыта и сложившейся в России правовой системы. Раскрываются наиболее проблемные вопросы, связанные с необходимостью совершенствования различных форм судебного разбирательства. Значительное внимание в работе уделяется изучению упрощенного

и усложненного типов судопроизводства и вносится ряд предложений по совершенствованию законодательства, регламентирующего процедуру различных форм судебного разбирательства. Монография адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, практическим работникам, а также всем, кто интересуется вопросами дифференциации форм уголовного судопроизводства.

Содержание

Т. В. Орлова	5
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Т. В. Орлова
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
ФОРМ СУДЕБНОГО
РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Монография

Научный редактор доктор
юридических наук,
профессор Г. И. Загорский

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

ВВЕДЕНИЕ

Дифференциация форм судебного разбирательства – одно из направлений концепции судебной реформы, которая призвана обеспечить законное и быстрое применение мер уголовного наказания при соблюдении прав личности в уголовном процессе.

Известно, что на дифференциацию уголовного судопроизводства определенное влияние оказывают структура и динамика преступности, особенности субъектов преступления, а также специфика самого уголовного дела.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) признает права и свободы человека высшей ценностью, а их соблюдение и защиту – обязанностью всех государственных органов, прежде всего судебных.

Рассмотрение уголовного дела в судебном разбирательстве – это центральная стадия уголовного процесса, в ходе которой суд первой инстанции в условиях состязательности сторон непосредственно исследует доказательства по уголовному делу: собранные в ходе предварительного расследования и имеющиеся в его материалах, представленные участниками уголовного процесса непосредственно в ходе судебного разбирательства; а при необходимости – истребованные самим судом. Исследовав на этой основе все необходимые и достаточные для принятия правильного решения по

уголовному делу доказательства, суд вправе принять решение о виновности или невиновности подсудимого, о квалификации содеянного им и о применении или неприменении к нему мер уголовного наказания в случае признания вины доказанной.

Правильное разрешение уголовного дела в точном соответствии с законом, при соблюдении прав участников судебного разбирательства и процедуры проведения судебного заседания – основная задача суда в данной стадии уголовного процесса.

В этой связи форма судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела приобретает весьма важное значение.

Поэтому изучение тенденций и закономерностей развития законодательства о формах судебного разбирательства, анализ проблем правоприменения в этой стадии уголовного процесса, обобщение судебной практики, выявление возникающих проблем и поиск путей их разрешения имеют важное теоретическое и практическое значение для совершенствования работы судебных органов на современном этапе развития нашего государства.

Основу дифференциации уголовно-процессуальной формы должны непременно составлять принципы законности, справедливости, рациональности и защиты прав участников уголовного судопроизводства.

Исторический анализ различных форм судебного разби-

рательства в России и в зарубежных странах имеет огромное значение для совершенствования действующего законодательства и развития науки уголовного процесса.

Цель монографического исследования состоит в том, чтобы обосновать практическую потребность существования различных форм судебного разбирательства в действующем законодательстве, определить их наиболее характерные черты, выявить их положительные и отрицательные характеристики и разработать предложения по дальнейшей дифференциации форм судебного разбирательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать имеющиеся и определить понятие уголовно-процессуальных форм, дать их классификацию;
- рассмотреть становление, развитие, современное состояние и перспективы развития процессуальных форм традиционного, а также упрощенного и усложненного типов судопроизводства;
- выявить направления, определяющие формы судебного разбирательства, способствующие совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства и практики его применения судами;
- изучить и обобщить практику применения различных форм судебного разбирательства уголовных дел по современному российскому законодательству;
- выработать предложения по совершенствованию раз-

личных форм судебного разбирательства.

На основе проведенного анализа нормативной базы, судебной практики, результатов анкетирования федеральных судей районных судов и судов субъектов РФ, обучавшихся на факультете повышения квалификации в Российской академии правосудия, а также осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Тюменской области, сформулированы конкретные рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства о необходимости дифференциации форм судебного разбирательства и их дальнейшего развития.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования сформулированных выводов и предложений при разработке законопроектов о различных формах судебного разбирательства и совершенствовании уже существующих; в учебном процессе на курсах повышения квалификации судей, прокуроров, адвокатов, а также при преподавании учебной дисциплины «Уголовный процесс» в высших юридических учебных заведениях и на юридических факультетах иных вузов.

ГЛАВА I ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОРМ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

§ 1. Формы судебного разбирательства в уголовном процессе: понятие и виды

Судебное разбирательство – основная стадия уголовного процесса. В соответствии со ст. 49 Конституции РФ исключительное право признать лицо виновным в совершении преступления и подвергнуть его уголовному наказанию предоставлено только суду. Данное положение содержится и в ст. 118 Конституции РФ.

Таким образом, судебное разбирательство – центральная и основная стадия уголовного процесса. На протяжении всего судебного разбирательства во всех его частях действуют определенные правила, выделенные в отдельную главу (гл. 35 УПК РФ), которые принято называть общими условиями судебного разбирательства, т. е. закрепленными законом

правилами, обусловленными назначением уголовного судопроизводства, отражающими наиболее характерные черты данной стадии и обеспечивающими реализацию принципов уголовного процесса^[1]. В общих условиях заложены основы порядка судебного разбирательства в целом и на отдельных его этапах, определены правила поведения его участников, действующие на протяжении всего хода судебного рассмотрения уголовного дела. Важным условием законности производства по уголовному делу является соблюдение формы судопроизводства^[2].

В теории уголовного процесса в качестве внутренней формы уголовного судопроизводства рассматриваются уголовно-процессуальные правоотношения, а в качестве внешней – совокупность условий выполнения уголовно-процессуальных действий и их обрядность^[3]. Прежде всего нам необходимо уяснить значение и содержание процессуальной формы. Существует большое количество определений, которые давались различными авторами в разные годы. Многие из них отличаются друг от друга совсем незначительно, поэтому позволим себе рассмотреть лишь некоторые, которые представляются нам наиболее принципиальными.

Ряд авторов определяют процессуальную форму как условия или порядок производства по уголовному делу.

Для одних авторов уголовно-процессуальная форма означает установленную законом последовательность или поряд-

док проведения отдельных следственных действий^[4], другие считают, что это установленный уголовно-процессуальным законом порядок совершения следственных и судебных действий, либо расследования или рассмотрения уголовных дел, либо осуществления уголовно-процессуальной деятельности или вынесения приговора^[5].

Высказывалось мнение о том, что под процессуальной формой понимают «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата»^[6].

Так, К. Ф. Гуценко процессуальной формой в уголовном процессе считает порядок производства процессуальных действий (например, обыска, допроса, экспертизы, прекращения или возбуждения уголовного дела, направления его в суд, назначения судебного заседания и т. д.). Соблюсти процессуальную форму – значит выполнить установленные законом требования, т. е. сделать что-то, как иногда говорят, «по всей форме» (к примеру, получить судебное решение судьи о заключении обвиняемого под стражу, о производстве обыска и т. п.).

По мнению А. П. Гуськовой, уголовно-процессуальная форма означает: 1) нормы, устанавливающие условия и последовательность производства отдельных процессуальных действий и принятия решений; 2) нормы, устанавливающие

порядок уголовного судопроизводства по делам в целом^[7].

Исходя из приведенных выше дефиниций, понятие «процессуальная форма» содержит определяемые в УПК РФ:

- последовательность стадий уголовного процесса;
- условия перехода из одной стадии в другую;
- последовательность процессуальной деятельности и условия, характеризующие производство в конкретной стадии;
- основания, условия и порядок производства следственных, судебных или иных действий, предусмотренных УПК РФ;
- основания, содержание и форму решений, которые могут быть приняты на отдельных стадиях уголовного процесса.

Понятие процессуальной формы определяет и ее значение в уголовном судопроизводстве, которое видится нам в надлежащем исследовании обстоятельств уголовного дела, принятии законных и обоснованных решений по нему, защите прав и свобод личности и достижении целей правосудия^[8].

Строгое соблюдение процессуальной формы – процессуального порядка по уголовному делу – не самоцель. Ее соблюдение создает максимальные гарантии прав личности в уголовном процессе, обеспечивает законность и обоснованность всех уголовно-процессуальных действий и решений^[9].

Как справедливо отмечает Б. Т. Безлепкин, пренебрежение процессуальной формой, непонимание ее смысла, иллюзия, будто бы она служит обузой и сковывает возможности реализации назначения уголовного судопроизводства, способны привести к серьезным, порой трагическим ошибкам^[10]. Таким образом, вышеназванные авторы отождествляют понятие «процессуальная форма» с порядком и (или) условиями производства по делу, а значит признают, что ст. 1 УПК РФ, говоря о едином и обязательном порядке судопроизводства, имеет в виду и единую процессуальную форму.

Х. У. Рустамов не соглашается с определением процессуальной формы как совокупности условий и дает собственное определение. По его мнению, «уголовно-процессуальная форма – это система отношений, возникающих в процессе деятельности субъектов процесса в определенной последовательности и регулируемых уголовно-процессуальным законом при реализации норм материального права»^[11]. Но мы полагаем, что процессуальная форма может возникнуть или исчезнуть в зависимости от каких-либо событий (исключая законодательный процесс). Связь между процессуальной формой и процессуальными отношениями, конечно, есть, но она прямо противоположна тому, о чем пишет Х. У. Рустамов. Не процессуальная форма является системой правоотношений, а правоотношения протекают в определенной процессуальной форме. Совершенно определенно на этот счет

высказывается Р. Д. Рахунов, который считает, что определение уголовно-процессуальной формы только как «порядка» может создать впечатление, что законодатель относит к содержанию процессуальной формы лишь некоторую, хотя и преваляющую, часть уголовно-процессуальных норм^[12].

Полагаем, что подобные рассуждения дали основание Р. Д. Рахуну определить уголовно-процессуальную форму как регламентированный правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности, установленные в целях достижения задач уголовного судопроизводства и обеспечения прав и законных интересов его участников^[13].

Подчеркивая важную роль точного и безусловного соблюдения процессуальной формы как гарантии законности и обоснованности деятельности органов уголовного производства, Пленум Верховного Суда СССР в свое время решительно выступал против элементов формализма в уголовном судопроизводстве, т. е. против соблюдения судами формы ради формы.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1952 г. «Об устранении фактов волокиты в деятельности судов» обращалось внимание на то, что задачи советского правосудия, стоящего на страже интересов государства и прав граждан, обязывают не допускать в своей работе формализма. Следовательно, выражая содержание уголовного процесса, уголовно-процессуальная форма

призвана служить оптимальной реализации задач уголовного судопроизводства. Соблюдение процессуальной формы – важное условие законности производства по уголовному делу. Но несмотря на единый порядок уголовного судопроизводства, действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает также и дифференциацию его форм, которая делает более эффективным уголовное производство, поскольку позволяет учитывать особенности отдельных категорий уголовных дел, а также обеспечивать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства».

Признание правомерности дифференциации уголовного производства в рамках единого процесса одна из предпосылок совершенствования уголовно-процессуального законодательства, как относительно усиления гарантий, так и упрощения тех процессуальных форм, которые неоправданно «осложняют процесс»^[14].

Уголовно-процессуальная форма это система предъявляемых к субъектам уголовного процесса требований, установленных уголовно-процессуальным законом и основанных на его принципах, выполнение которых влечет наиболее точное и рациональное достижение задач уголовного процесса.

Выяснив правовую природу уголовно-процессуальной формы, определимся с такими понятиями как дифференциация и единство процессуальной формы.

Проблему уголовно-процессуальной формы М. Л. Якуб

определял по-разному: с одной стороны, единство (унификация) и дифференциация – это способы построения процесса^[15], а с другой – тенденция его развития^[16]. Кроме того, он дал и другое определение, из которого следует, что единство – характерная черта процессуальной формы^[17].

В пользу определения единства (унификации) и дифференциации как тенденций в развитии законодательства высказывались также М. С. Строгович^[18], В. А. Арсеньев^[19], Х. У. Рустамов^[20], другие ученые.

Р. Д. Рахунов единство называл свойством процессуальной формы^[21], а Н. С. Алексеев и Т. Г. Морщакова высказывали мнение о существовании нового принципа уголовного процесса – принципа оптимальной организации, дифференциации и ускорения процесса^[22].

Так, по мнению П. Ф. Пашкевича, «дифференциация процессуальной формы означает именно совершенствование обслуживающих принципы норм, их большую гибкость и специализацию»^[23]. Однако Х. У. Рустамов считает, что «сущностью дифференциации форм судопроизводства является ее результативность, полученная в демократической процессуальной среде»^[24]. Нельзя полностью согласиться и с мнением Д. П. Великого, для которого дифференциация – это «возможность в рамках единой судебной системы, единого уголовно-процессуального законодательства, основыва-

ваясь на единых принципах, решать единые задачи различными способами»^[25].

Наиболее последовательны в своих высказываниях Ю. К. Якимович, А. В. Ленский, Т. В. Трубникова, которые понимают дифференциацию как «существование в системе уголовного процесса ряда самостоятельных производств, приспособленных для различных потребностей»^[26].

Сам факт признания существования различных производств как выражения дифференциации не вызывает каких-либо сомнений. Однако формула «ряд самостоятельных производств» на самом деле охватывает значительную часть системы уголовного процесса. На наш взгляд, данная позиция авторов спорна, поскольку сопоставление, с одной стороны, так называемых основных, а с другой стороны дополнительных и особых производств свидетельствует о различном характере их формирования и применения. Традиционно ведущая роль в системе уголовного процесса принадлежит его стадиям^[27], под которыми понимается определенная часть, ступень судопроизводства, характеризующаяся специфическими задачами, условиями, субъектами и формами уголовно-процессуальной деятельности^[28]. Система стадий, являющихся частью уголовного процесса и закономерным этапом движения уголовного дела, выражает целостную организацию уголовного процесса, его элементный состав. Если процессуальная форма в уголовном судопроизводстве –

это его порядок, то в нем, таким образом, должен существовать тот его вид, который и выполняет, эту нагрузку. Данный порядок в силу его свойств и характера, используемых для регулирования правовых предписаний, следует называть общим порядком уголовного судопроизводства^[29].

Дифференциация представляет собой такой способ организации уголовного судопроизводства, применение которого обусловлено необходимостью выражения специфических условий правоприменительной деятельности, ведущей к созданию наряду с общим порядком уголовного судопроизводства других процессуальных порядков (производств), задачи которых, в конечном счете совпадают с назначением уголовного процесса.

Как уже отмечалось выше, одна группа правоведов рассматривала дифференциацию как средство обеспечения эффективности уголовного процесса, направленное на формирование сокращенных (упрощенных) процедур уголовного судопроизводства (П. Ф. Пашкевич, Р. Д. Рахунов, В. Д. Арсеньев, А. П. Гуляев). Другая точка зрения концентрирует мнение юристов, считающих необходимым внести в уголовное судопроизводство ряд дополнительных гарантий (М. С. Строгович, А. М. Ларин, И. Л. Петрухин), допуская исключительно в этом качестве дифференциацию уголовного процесса.

Полагаем, что наряду со сложившимся представлением о дифференциации как изменении процессуального порядка

возникло и иное мнение на эту проблему трактующее дифференциацию применительно к определенным категориям уголовных дел, как упрощение или усложнение процессуальной формы. Традиционно считается, что возможны два направления дифференциации: усложнение формы по одним категориям дел и ее упрощение по другим. Усложнение, как правило, означает увеличение сроков производства по делу, введение дополнительных гарантий прав личности, участие большего количества субъектов и их более высокое должностное положение, расширенную судейскую коллегия и т. п.

В последние несколько лет в законодательстве наметилась довольно интересная тенденция, по поводу того, что нововведенные процессуальные формы, направленные на усложнение процесса, установление дополнительных гарантий, содержат в себе некоторые упрощенные процедуры, а простые процессуальные формы, напротив, усложненные. Так, при производстве у мирового судьи, которому подсудны уголовные дела, не представляющие большой общественной опасности, предполагала до 1 января 2013 г. более сложный порядок пересмотра приговоров – апелляцию. На наш взгляд, таким способом законодатель компенсировал отклонения от стандартных процессуальных требований в некоторых процессуальных формах. В связи с этим данное положение не позволяет нам говорить об упрощенных или усложненных формах в чистом виде.

Но, несмотря на условность деления процессуальных форм на упрощенные и усложненные (с дополнительными гарантиями), мы в настоящей работе придерживаемся именно данной классификации при более подробном рассмотрении этих форм уголовного судопроизводства.

Как справедливо отмечает Х. У. Рустамов, «процессуальные формы могут только тогда отвечать своему назначению, если они строятся сообразно со свойствами категорий дел»^[30]. По сути, речь идет об основаниях дифференциации уголовно-процессуальных форм.

Так, М. Л. Якуб среди обстоятельств, влияющих на форму уголовного производства, выделял:

- степень общественной опасности преступления и тяжесть меры наказания, предусмотренной за его совершение законом;
- степень сложности дел данной категории в разрешении как фактической, так и правовой стороны;
- общественно-политическое значение дел данной категории и в связи с этим определение, какие формы в наибольшей мере способствуют воспитательному и общепредупредительному воздействию процесса;
- значение, которое имеет преступление для интересов отдельных лиц, тех или иных ведомств, организаций и предприятий^[31].

Исходя из этого, М. Л. Якуб различает три формы судопроизводства:

- порядок правосудия со сложными процессуальными формами (по большинству дел о тяжких преступлениях, по иным сложным делам и по делам особого общественно-политического значения);
- обычная форма судопроизводства по делам о преступлениях средней тяжести;
- сокращенный (упрощенный) вид процесса по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности.

Но, как справедливо замечает Х. У. Рустамов, едва можно полностью согласиться с мнением М. Л. Якуба о трех формах судопроизводства. На каждую из них оказывают влияние не только категории преступлений и их особенности, но и сама система судоустройства. Раз внедряется институт мировых судей, то форма производства у этих судов должна быть особая, упрощенная^[32]. Модель уголовного процесса по категории дел с участием присяжных заседателей также очень специфична, поскольку по форме и содержанию отличается от обычного порядка судопроизводства, хотя и базируется на общих правилах. Свою особенность имеет и форма процесса в военных судах в условиях военного времени^[33]. Специфические черты особого порядка судебного разбирательства, свойственны производству по делам несовершеннолетних, по применению принудительных мер медицинского характера, по делам возбужденным в порядке частного обвинения, а также при заключении с обвиняемым досудебного

соглашения о сотрудничестве и т. д.

Таким образом, дифференциация уголовно-процессуальной формы для решения задач уголовного судопроизводства, указанных в ст. 6 УПК РФ, при соответствии ее единым принципам возможна лишь в рамках единого УПК РФ. Например, при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, предусмотрены дополнительные процессуальные гарантии, что, в свою очередь, свидетельствует о сложности процессуальной формы, с другой стороны порядок рассмотрения дел частного обвинения признается видом упрощенного производства.

Однако определяющим признаком рассматриваемых в названном порядке дел признается именно связь с частным обвинением, что влечет отличный от публичного порядок возбуждения уголовного дела, выполнения функции обвинения потерпевшим – частным обвинителем, а также возможность прекращения производства по этим делам в связи с примирением сторон. Это обстоятельство обусловлено не «сложным сочетанием» начал упрощения и усложнения, используемого в формировании процессуального порядка, а основаниями дифференциации, т. е. материально-правовыми и процессуальными факторами, обуславливающими формирование и применение дифференцированных порядков – самостоятельных видов уголовного судопроизводства.

При определении системы оснований дифференциации уголовного процесса, следует учитывать:

– материально-правовой характер юридических оснований производства, т. е. степень общественной опасности преступления, значение и характер мер государственного принуждения, применяемых по решению суда;

– формально-юридические условия, обуславливающие степень сложности и характер процессуальных производств, т. е. процедуру установления фактических обстоятельств дела; наличие определенных свойств у лица, в отношении которого ведется производство; значение, которое имеет преступление для интересов отдельных лиц или организаций.

Для окончательного вывода по данной проблеме заметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве наряду с общими формами судопроизводства существуют судопроизводства с усиленными гарантиями прав участников уголовного процесса, а также упрощенные судопроизводства. При определении круга дел, в отношении которых применяется уголовное судопроизводство с усиленными гарантиями, уголовно-процессуальный закон предусматривает значительные по объему специальные гарантии (с учетом личности подсудимого в отношении несовершеннолетних – гл. 50 УПК РФ). Наконец, сложная процессуальная форма может быть обусловлена и характером тяжести уголовных правонарушений. Такое положение, будучи предусмотренным законом, обуславливает вид судебного состава, разрешающего уголовное дело (п. 2–4 ч. 1 ст. 30 УПК РФ).

Таким образом, в соответствии с законом для рассмотре-

ния дел о тяжких и особо тяжких преступлениях по ходатайству обвиняемого (подсудимого) применяется либо производство в суде с участием присяжных заседателей, либо специальный судебный состав – коллегия из трех профессиональных судей.

На основании изложенного можно сформулировать выводы о том, что формирование уголовного судопроизводства с усиленными гарантиями прав участников судебного разбирательства как самостоятельного вида обусловлено необходимостью обеспечения повышенной защиты прав лиц, подвергаемых значительным по тяжести мерам уголовного наказания.

В российском уголовном процессе уголовное судопроизводство с усиленными гарантиями прав обвиняемого, означает процессуальный порядок, дифференцированный за счет модели суда с «разграниченными полномочиями» для судебного состава, а также специальные правила, обеспечивающие защиту прав личности. Что касается упрощенной формы уголовного производства, то, на наш взгляд, данный вид уголовного судопроизводства представляет собой одно из важных средств повышения эффективности уголовного процесса. Но в настоящее время по-прежнему нет четкой трактовки понятия «упрощенное производство».

Например, по мнению Р. Д. Аширова, упрощенное производство следует понимать как установленный законодателем процессуальный порядок движения дел, которому при-

сущи изъятия из общего порядка производства в виде сокращенных сроков, отсутствия отдельных стадий, упрощенной процессуальной формы^[34]. Следует согласиться с мнением Р. Д. Аширова, хотя, на наш взгляд, данное определение не совсем полно и точно.

Упрощенное производство – это установленная законом процедура рассмотрения уголовных дел, которой свойственны не только отсутствие отдельных стадий и сокращенные сроки рассмотрения уголовного дела, но и изъятие с целью его оптимизации некоторых процессуальных институтов и норм.

Задача упрощенного производства сводится к рационализации и ускорению процедур судопроизводства, но при сохранении основополагающих гарантий прав личности.

Нет никакого основания считать, что упрощенное производство способствует появлению чувства пренебрежения к процессуальной форме^[35], поскольку процессуальная форма в нем играет ту же роль, что и в обычном процессе: обеспечение задач правосудия, соблюдение гарантий прав участников судопроизводства в первую очередь^[36]. Институт упрощенного производства более всего подвергается критике, как правило, с позиции принципа единого порядка рассмотрения дел. Верно заметил П. Ф. Пашкевич, что «в нашем государстве нет ни чрезвычайных судов, ни исключительных законов, а правосудие осуществляется на началах равенства

всех граждан перед законом и судом»^[37].

§ 2. Становление и развитие различных форм судебного разбирательства по российскому законодательству

В XIX веке известный российский юрист В. К. Случевский писал, что русский уголовный процесс, как и все другие элементы нашей культуры, полностью испытывает на себе влияние законов эволюции^[38]. Различные формы судебного разбирательства уголовных дел существовали еще в Древней Руси. В XI веке в княжеском доме уголовный процесс осуществлялся по памятнику права «Русская Правда»^[39].

Формы правосудия носили как состязательный, так и обвинительный характер. Состязательная (обвинительная) форма борьбы сторон была обусловлена существовавшими в эпоху родоплеменных отношений методов разрешения конфликтов. Заметим, что постановления «Русской Правды» не исчерпывают полностью сведений о судопроизводстве данной эпохи, хотя она долго оставалась общим законом, определявшим и ход процесса, и применяемые судами наказания. Так, при разрешении уголовных дел о преступлениях, наиболее открыто затрагивающих интересы господствующего класса, княжеская власть применяла более активные формы судопроизводства.

Что касается организации судебной деятельности по Су-

дебнику 1497 года, то в нем укрепились начала розыскного процесса. Суд отправлял только наместник великого князя московского, представители же удельных князей, еще не потерявших своих судебных прав, только присутствовали при отправлении правосудия, а затем получали часть судебных доходов^[40].

В грамотах конца XIV века в отношении наиболее важных уголовных дел, затрагивающих интересы господствующего класса (разбой, душегубство, татьба с поличным), нередко устанавливалось, что смешанный суд должен собираться не по месту подданства обвиняемого, а по месту совершения им преступления. Это, конечно, лучше обеспечивало оперативность раскрытия таких преступлений и рассмотрения судами уголовных дел.

В XVI веке в условиях дробления судебной власти каждый князь имел свой суд. В этот период функционировали вотчинные, волостные и владельческие суды монастырей и церквей^[41], в которых применялась своеобразная форма судебного разбирательства, был и специфический состав участников процесса. Дальнейшие изменения в организации суда по тяжким преступлениям были обусловлены проведением на Руси административной реформы, по которой наместники и волостели (правители) в государственных (черных) волостях упразднялись, а для управления всеми делами население выбирало «излюбленных» старост с целовальниками.

Царский наказ белозерским губным старостам и целовальникам 1571 года содержит подробные правила производства следствия над разбойниками и определяет силу доказательств против них. Существенное изменение в уголовный процесс внесло Соборное уложение 1649 года, которое выражало интересы дворянства и верхушки посадского населения значительно более полно, чем Судебники. Уложение является первым полным сборником законов, охватывающим вопросы судоустройства и судопроизводства^[42].

В области уголовно-правового и процессуального законодательства царствование Петра I, несмотря на огромное число указов и регламентов, сохранило тенденции XVII века. Сохранился суд помещиков над людьми, усилился розыскной характер процесса по всем важнейшим делам, еще более возросла жестокость наказаний, и в то же время особенно резко проявился характер феодального права: в ряде случаев не только степень, но и род наказания зависели от сословной принадлежности обвиняемого и потерпевшего. В области уголовно-судебной царь являлся не только источником закона, но и непосредственным судьей^[43].

Уголовное право и судопроизводство этого периода оставались одной из форм внешнеэкономического принуждения, которое поддерживало феодально-крепостническую систему. Указ 1714 года содержал столь широкое определение преступления, что к уголовной ответственности можно было привлечь любое лицо. Характер процесса вполне соответ-

ствовал задачам судебных органов. Остатки состязательного процесса (старинного «суда») исчезают.

Важным правовым документом того времени стал Указ «О форме суда» 1723 года, в тексте которого законодатель отмечает необходимость борьбы с сохранившейся в судах волокитой и как будто устанавливает единую форму процесса. С целью пресечения волокиты указ предусматривал сокращенные сроки для явки сторон и законные поводы неявки; была установлена обязанность изложения челобитной по «пунктам» и соответственно с этим обязанность ответчика или обвиняемого давать объяснения также по пунктам. Дух указа был направлен на усиление активности суда, которому предоставлялось право сокращать объем судебного разбирательства. Малопригодность местных судов вынудила правительство при Александре I расширять подсудность Сената как наиболее полноценного судебного органа. В Сенате типичными чертами судопроизводства были медлительность и канцелярщина. Дела к слушанию готовились по несколько лет вследствие бесконечных справок, дополнительных сведений и вызовов лиц к рукоприкладству (подписанию документов), которыми канцелярия часто пользовалась для затягивания дела. Сенат был совершенно бессилен в деле поддержания порядка в судебной деятельности. Поворотным событием в истории российского судопроизводства являлось учреждение суда присяжных и мировых судей. Мировой судья единолично рассматривал подсудные ему дела, причем

по уголовным делам применялся «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Введение гласного и быстрого устного разбирательства, чуждого сословных привилегий, было шагом вперед по сравнению с «решительными, но полными произвола» действиями полицейского чиновника.

А. Ф. Кони писал: «Здесь у «мирового» в действительности совершался суд скорый, а личные свойства первых судей служили ручательством, что он не только скорый, но и правый в пределах человеческого разума, и вместе с тем – милостивый»^[44]. Приговор съезда мировых судей считался окончательным. На эти приговоры допускались лишь жалобы сторон и протесты товарища прокурора в кассационном порядке. Предметом жалобы могли быть явное нарушение смысла закона и неправильное толкование при определении преступного действия и рода наказания, существенные нарушения «обрядов и форм судопроизводства» и нарушение пределов ведомства мирового судьи и съезда. Жалобы и протесты рассматривались уголовным кассационным департаментом Сената. В системе общих судебных учреждений судами первой и второй инстанции были окружные суды и судебные палаты. Каждый окружной суд учреждался для рассмотрения уголовных дел, превышающих подсудность мирового судьи, и действовал на территории нескольких уездов. При разбирательстве уголовных дел окружной суд действовал в двух различных формах. Эти различия относились, прежде всего, к его составу, но затрагива-

ли также порядок судопроизводства. Дела о преступлениях меньшей тяжести, не влекущие лишение свободы с поражением в правах («каторжные работы» и исправительные арестанские отделения»), были подсудны коронному составу суда из трех членов. Прокурором или (по некоторым категориям) частным обвинителем они направлялись непосредственно в окружной суд, который в распорядительном заседании решал вопрос о принятии дела. Дела о тяжких преступлениях, разбиравшиеся окружным судом с участием присяжных заседателей по окончании обязательного предварительного следствия направлялись прокуратурой в судебную палату («камеру предания суду»). Окружной суд мог приступить к разбирательству лишь при наличии определения палаты об утверждении обвинительного акта и о предании суду обвиняемого. Коронный состав его три члена суда, один из которых председательствовал в заседании. Скамья присяжных заседателей состояла из 12 присяжных и двух запасных, которые могли заменить выбывших ввиду болезни очередных присяжных. Во всех заседаниях участвовал прокурор.

В столыпинский период правосудие характеризовалось стремлением полностью уничтожить независимость судей, резко сократить гласность судебного разбирательства. Но Государственная Дума уже с 1906 года стала обсуждать вопрос о демократизации суда, прежде всего восстановлении почти упраздненного в 1889 году института мировых судей. И только в 1912 году закон «О преобразовании местного су-

да» восстановил мировых судей в уездах, а волостные суды ввел в общую сеть судебных установлений.

Становление уголовно-процессуального законодательства в советский период завершилось принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 года, предусмотревшего в значительной степени дифференцированный порядок расследования и разрешения уголовных дел. В народном суде, где наряду с общей формой, рассмотрения большинства уголовных дел, существовали особые, упрощенные производства по несложным делам. Этим преследовалась цель: экономить силы и средства для рассмотрения более важных и сложных уголовных дел, а также обеспечить оперативность и простоту судопроизводства. Упрощенная процессуальная процедура распространялась на дела, так называемого частного обвинения и дела, разрешавшиеся в порядке особых судебных производств, предусматривавшихся гл. 24 УПК РСФСР 1923 года, которая включала порядок дежурной камеры суда, заочного приговора и судебного приказа^[45].

Основаниями разрешения дел в порядке дежурной камеры суда служили несложность обстоятельства преступления, полная их ясность, признание лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Степень общественной опасности не учитывалась. Лица, подозреваемые в совершении преступления, а также очевидцы доставлялись в суд сразу же после совершения преступления без какой-либо формализованной проверки. Такие дела рассматривались с участием

народных заседателей. Подсудимый был наделен рядом гарантий, например, правом требовать разрешения дела в общем порядке, обжаловать приговор и т. д.

В порядке заочных приговоров и судебных приказов рассматривались дела о преступлениях незначительной общественной опасности. Упрощение заключалось в праве суда, во-первых, выносить приговор в отсутствие подсудимого, а во-вторых, выносить его единолично судьей.

Таким образом, дифференциация в то время предполагала как двойственность процесса, так и наличие особых производств в общем порядке расследования и разрешения уголовных дел в народном суде. В 1927 г. в связи с намеченной реформой УПК РСФСР 1923 года Народный комиссариат юстиции РСФСР выдвинул идею упрощения уголовного процесса, что связывалось с необходимостью разгрузить суды от скопившихся уголовных дел^[46]. В соответствии с вышеизложенным 9 июня 1927 года коллегия НКЮ РСФСР приняла постановление, содержавшее ряд ошибочных положений. В нем указывалось: «Наш УПК является осколком современного буржуазного состязательного процесса. Исторически последний создавался буржуазией как средство борьбы против классового произвола абсолютистских судов в период борьбы буржуазии с абсолютизмом. Отсюда ряд формально-правовых гарантий. Отсюда начала непосредственности, гласности и устности, характеризующие буржуазный процесс»^[47]. В губернских судах предла-

галось отказаться от распорядительных заседаний, права суда назначать экспертизу, вызывать свидетелей. По существу в судах этого звена намечалось построить процесс как исключительный. Предполагалось упростить процессуальную форму в народных судах за счет отказа от участия народных заседателей по несложным делам^[48].

Из приведенных примеров следует, что речь шла о такой форме уголовного судопроизводства, которая лишила бы его многих демократических принципов. В ходе дискуссии по проекту нового УПК РСФСР многие ученые высказались против упрощений. В результате чего проект не получил силу закона. Не был утвержден и предложенный А. Я. Вышинским проект сокращенного УПК, содержащий 167 статей (УПК РСФСР 1923 г. содержал 465 статей). Несмотря на то, что предложения о существенном упрощении процесса не получили полной правовой регламентации, но в значительной мере влияли на законодательное и ведомственное регулирование порядка расследования и разрешения уголовных дел. Так, постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 июня 1928 года была изменена ст. 437 УПК РСФСР 1923 года, в соответствии с которой отменялось кассационное обжалование приговоров по делам о некоторых незначительных преступлениях. В 1934 году на первом Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников отмечалось негативное отношение к тенденции максимального упрощения судопроизводства. Тем не менее, 1 декабря 1934 г. ЦИК СССР

принял постановление «О внесении изменений в действующие УПК союзных республик», в соответствии с которым в делах о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти, рассматривавшиеся, главным образом, военными трибуналами, был установлен десятидневный срок расследования и суточный срок вручения обвиняемому обвинительного заключения. Участие сторон в суде, как, впрочем и кассационное обжалование приговора и подача ходатайств о помиловании не допускалось. Приговор к высшей мере исполнялся немедленно. Закон от 1 декабря 1934 года был отменен лишь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1956 года.

Таким образом, в рассмотренный период дифференциация, направленная на упрощение уголовного процесса за счет отрицания и усечения демократических принципов и гарантий, носила односторонний характер. Этот период в юридической литературе был призван как период «процессуального упрощенчества»^[49], сущность упрощенчества заключалась в одностороннем решении задач уголовного судопроизводства. Она выразилась, с одной стороны, в преувеличении значения оперативности и гибкости процесса, с другой стороны – в преуменьшении при этом роли процессуальных гарантий прав личности, гарантий правосудия. Как справедливо отметил М. С. Строгович, «процессуальное упрощенчество причинило вред следственной и судебной практике, но оно не было определяющей чертой советско-

го уголовного процесса»^[50]. Принятые 25 декабря 1958 года Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик прежде всего ликвидировали двойственность уголовного процесса. Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик закрепили единство порядка судопроизводства (ст. 1 УПК РСФСР).

Вместе с тем действующее законодательство предусматривало некоторые отступления от типовой формы процесса, с целью как усиления гарантий по делам о преступлениях повышенной общественной опасности, так и упрощения досудебной процедуры по делам о преступлениях небольшой социальной опасности. Например, предусматривались две формы предварительного расследования (следствие и дознание), а также устанавливались особенности производства по делам о несовершеннолетних и душевнобольных, вводился различный порядок допуска защитника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» был введен процессуальный порядок, предусматривающий наряду с ускорением производства особую, упрощенную процедуру досудебной проверки обстоятельств совершения не злостного хулиганства.

Р. Д. Рахунов охарактеризовал данный Указ Президиума Верховного Совета СССР как своего рода социальный эксперимент^[51]. В связи с отмеченными изменениями законодательства вновь ожидалась дискуссия о тенденциях его раз-

вития.

Характеризуя процессуальные формы различных типов производств, определим, прежде всего, три основных элемента, обуславливающих их существование: 1) цели введения такого порядка производства; 2) основания для создания такого порядка; 3) основания для проведения производства именно в этом порядке.

Упрощенные формы производства.

Производство по делам частного обвинения

Впервые мировые суды возникли в Англии в XIV веке, а затем – в XVII веке в Северной Америке и в конце XVIII века – во Франции. В Россию этот институт пришел с реформами 60-х годов XIX века. Впервые мировая юстиция в нашей стране была учреждена в ходе проводившейся Александром II судебной реформы Судебными Уставами от 20 ноября 1864 года^[52].

Мировой суд в России, по замыслу его создателей, представлялся универсальным органом, разрешающим мелкие дела между сословиями, а не только между помещиками и крестьянами, способным по примеру стран Западной Европы стать низшей судебной инстанцией^[53]. Учреждение мировых судов было обусловлено потребностью в судах, «которые близостью своей к тяжущимся и простотой форм судопроизводства соответствовали потребностям городского

и сельского населения^[54]. Таким образом, одной из заслуг судебной реформы 1864 года следует считать введение в российскую судебную систему мировой юстиции, способной освободить общие суды от большого количества малозначительных гражданских и уголовных дел и максимально приблизить правосудие к народу. Также мировому суду были присущи доступность правосудия для населения, быстрота и оперативность разрешения дел, для чего применялись упрощенные процедуры.

Уголовная подсудность мировых судов определялась рядом нормативных актов. Основным среди них был «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»^[55], а также «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»^[56].

Категории дел, подлежащих рассмотрению мировыми судьями, определялись, во-первых, тяжестью преступления; во-вторых, самим свойством деяния^[57]. В соответствии со ст. 33 Устава Уголовного Судопроизводства^[58] и ст. 1 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»^[59], к компетенции мирового судьи в сфере уголовного судопроизводства относилось разрешение по существу «уголовных поступков», за которые могли быть применены следующие наказания: выговоры, замечания и внушения; денежные взыскания не свыше 300 рублей; арест не свыше трех месяцев и заключение в тюрьме не свыше одного года. Помимо данных категорий дел к подсудности мирового судьи также от-

носились «собственно для склонения сторон к миру дела, которые хотя и влекут за собой наказания более строгие, но по закону начинаются не иначе, как по жалобе потерпевших вред и убытки и могут быть прекращены примирением»^[60], т. е. мировые судьи рассматривали дела частного обвинения, что, безусловно, соответствовало названию и сути «мировой юстиции», основная цель которой примирение сторон. Подобная юрисдикция обусловила и упрощенный порядок судопроизводства, более простые доступные, нежели в общих судах процедуры.

Глава II Устава уголовного судопроизводства (УУС) называлась «О порядке начатия дел у мировых судей». В соответствии со ст. 42 УУС поводами к началу дела мировым судьей признавались: 1) жалобы частных лиц, понесших вред или убытки (причем допускалась как письменная, так и устная форма жалобы); 2) сообщения полицейских и других административных властей; 3) непосредственное усмотрение мировым судьей преступных действий административных органов (административных властей), кроме того, дела могли возбуждать сами мировые судьи, вне зависимости от жалобы частного лица, в случае обнаружения им преступного деяния.

Возбуждая уголовное преследование по собственной инициативе, мировой судья не мог превышать пределы своей компетенции, подменять собой структуры исполнительной власти. Так, мировой судья возбуждал производство, если он

был очевидцем правонарушения, если усматривал уголовно-наказуемое деяние при рассмотрении гражданских дел, при необходимости привлечения к уголовной ответственности других лиц, при рассмотрении материалов, представленных полицией. Более того, мировой судья имел право возбудить уголовное преследование при обнаружении проступка в местах, находящихся под специальным надзором полиции, например, в театре – за бесстыдство, проявленное в сценических телодвижениях и костюмах^[61].

Судья не мог приступить к производству по делу, если он получил сведения из источников, не предусмотренных законом, таких как различные слухи, доносы частных лиц, клевета при рассмотрении дел. Мировой судья не имел права возбуждать уголовное преследование при нарушении Устава казенного управления, сопряженного с причинением ущерба казне, при торговле водкой без надлежащего на то свидетельства и в других случаях^[62]. Если съезды мировых судей имели право на возбуждение судебного преследования, то почетный мировой судья такого права не имел. Возбуждение уголовного преследования по собственной инициативе, вне зависимости от жалобы частного лица, являлось правом, а не обязанностью мировых судей. С жалобой в мировой суд мог обращаться не только потерпевший, но и его представитель. В производстве по уголовному делу могли принимать участие присяжные и частные поверенные, а также другие лица, которым закон не запрещал указанную деятельность. До-

пускалось участие в судебном разбирательстве поверенных от полиции, но с обязательным представлением доверенности. Функции поверенных, подавших жалобу в суд, заключались в поддержании обвинения в суде в отношении конкретного лица. Приносимые в суд жалобы частных лиц могли быть письменными и устными. Устные жалобы заносятся судьей в протокол, а в судебном заседании указанные жалобы оглашались. К содержанию жалобы закон предъявлял определенные требования: в ней следовало указать сведения о личности (объем их примерно сравним с сегодняшним), признаки совершенного преступления. Окончательную квалификацию деяния определял мировой судья. В жалобе обязательно указывалось лицо, на которое подается жалоба в совершении уголовно-наказуемого проступка, а также данные о его личности. Лицу, подавшему жалобу, следовало было представить доказательства, подтверждающие совершенное уголовно-наказуемое деяние, а также указать их источники. Детальная регламентация законодателем действий лиц, приносящих жалобу в суд, бесспорно, способствовала установлению стабильности правовых требований при обращении в суд, повышала ответственность лиц, ставивших вопрос о возбуждении уголовного преследования.

Возложение на заявителя обязанности представлять доказательства обвинения вовсе не означало, что мировому судье в процессе отводилась роль пассивного наблюдателя. В соответствии со ст. 47 Устава Уголовного Судопроизводства при

недостаточности обвинения мировой судья мог поручить полиции собрать все необходимые по делу сведения. Проводя в жизнь принцип состязательности, законодатель вместе с тем отводил мировому судье активную роль в процессе. Обращает на себя внимание юридическая конструкция указанной статьи. Так, сбор дополнительных доказательств, подтверждающих виновность, был не обязанностью, а правом мирового судьи.

Судья единолично, рассматривал уголовные дела, что способствовало быстрому рассмотрению уголовного дела. Процессуальный порядок деятельности мирового судьи регламентировали специальные правила, содержащиеся в книге первой Устава Уголовного Судопроизводства «Порядок производства в мировых установлениях». Обвиняемого можно было вызвать повесткой или устно (ст. 54). Статья 88 устанавливала устный и публичный порядок разбирательства дел, ст. ст. 89, 89-1 и 89-2 – случаи закрытого судебного разбирательства (например, по проступкам против прав семейных, по проступкам об оскорблении женской чести, а также по делам, преследуемым по жалобам частных лиц, когда обе стороны просили об этом), ст. 90 Устава Уголовного Судопроизводства разрешала участникам спора поручать защиту своих интересов поверенным.

Судебное разбирательство у мирового судьи в соответствии с общим порядком судопроизводства начиналось с открытия заседания и проверки наличия сторон, их свидетелей

и иных лиц, после чего свидетели удалялись из зала судебного заседания в отдельную комнату, а стороны могли заявить ходатайства. После этого судья докладывал о существовании дела и основаниях обвинения, кратко изложив содержание жалобы или протокола, а также о доказательствах, представленных обвинителем. Затем он был обязан задать вопрос обвиняемому, признает ли он себя виновным, в приписываемых ему действиях. От ответа на данный вопрос зависел дальнейший ход судебного разбирательства. В случае признания обвиняемым своей вины судебное следствие могло не проводиться. Если же обвиняемый не признавал себя виновным либо его признание вызвало у судьи сомнения, то судья переходил к судебному следствию. Поскольку мировой суд предполагал простоту и быстроту судопроизводства, то ст. 116 Устава Уголовного Судопроизводства предписывала мировым судьям заканчивать судебное разбирательство по возможности в одно заседание. Если же мировой судья считал, что, находящееся у него в производстве дело, ему неподсудно, он обязан был немедленно передать его судебному следователю, а при отсутствии необходимости производства следствия, непосредственно прокурору (ст. 117 УУС).

По завершению судебного следствия и уяснению всех обстоятельств дела мировой судья переходил к постановлению приговора. Он решал вопрос о виновности и невиновности подсудимого по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных

при судебном разбирательстве. При этом по делам частного обвинения, которые можно было прекратить примирением сторон, закон обязывал мирового судью склонять стороны к примирению, и только в случае его недостижения мировой судья мог переходить к постановлению приговора. Приговоры мировых судей подразделялись на окончательные и неокончательные. Окончательными считались приговоры такие, которыми, во-первых, были назначены наказания в виде внушения, замечания, выговора, денежного вознаграждения не свыше 15 рублей, ареста на срок не свыше трех дней, и если сумма возмещения, вред или убытки не превышали 30 рублей; во-вторых, они не подлежали апелляционному пересмотру, но могли быть проверены в кассационном порядке. Все остальные приговоры считались как неокончательные и могли быть пересмотрены по существу в апелляционном порядке.

Таким образом, основные особенности мирового уголовного судопроизводства дореволюционной России сводились к упрощенному порядку судопроизводства; сокращению процессуальных сроков; различному порядку обжалования решений мирового судьи путем подразделения приговоров на окончательные и неокончательные; институту заочного разрешения уголовного дела.

Как справедливо отмечает М. В. Немытина, «благодаря мировой юстиции, существовавшей от общих судебных установлений, мелкие уголовные дела не переходили до беско-

нечности из одной судебной инстанции в другую»^[63]. Таким образом, мировой суд обеспечивал доступность, простоту и быстроту судопроизводства, чем значительно приближал доступ населения к правосудию.

Однако дальше местной юстиции в России развиваться не пришлось. Хотя закон от 15 июня 1912 года и предусматривал восстановление мировых судов, но война, затем революция не позволили реализовать его в полной мере. Вместо ликвидированного института мировых судей были введены должности земских участковых начальников, городских судей и уездных членов окружных судов, между которыми и были распределены для рассмотрения уголовные дела, ранее подсудные мировым судьям.

Период с 1917 по 1923 год характеризуется принятием первых законодательных актов Советской власти. В соответствии с Декретом о суде № 1 стороны по делам частного обвинения могли разрешить спор, минуя органы судебной власти: в третейском суде, которому доверялось рассмотрение дел о посягательстве на честь и достоинство личности^[64].

1923 год был ознаменован принятием первого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, укрепившего позиции института частного обвинения. В УПК РСФСР 1923 года (далее УПК РСФСР) круг преступлений, относящихся к категории дел частного обвинения, был значительно сокращен. В соответствии со ст. 10 УПК РСФСР 1923 года к ним относились: нанесение умышленных легких телесных поврежде-

ний, не причинивших расстройства здоровью; нанесение побоев и иных насильственных действий, не носящих характер истязания, а также оскорбление и клевета. В соответствии с УПК РСФСР 1923 года дела частного обвинения возбуждались только по жалобе потерпевшего, а примирение сторон влекло прекращение производства по делу. Вступление прокурора в дело в целях охраны публичного интереса и поддержание им обвинения исключало возможность прекращения дела производством в связи с примирением подсудимого с потерпевшим. Примечательно, что потерпевший, не заявивший требований о возмещении материального ущерба, не был стороной по делу, и его процессуальное положение в суде не отличалось от функции свидетеля^[65]. В рассматриваемый период предполагалось расширить полномочия прокурора, и даже представить ему право возбуждать вопреки воле потерпевшего уголовные дела по приведенным выше составам преступлений.

С принятием УПК РСФСР 1960 года институт частного обвинения был сохранен, хотя такого термина в тексте закона не было. УПК РСФСР содержал перечень преступлений, которые разрешались в порядке частного обвинения (ст. 27 УПК РСФСР). Вместе с тем были усилены публичные начала: прокурор получил право вступать в уже возбужденное дело частного обвинения, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан (ст. 27 УПК РСФСР), а также возбуждать подобные уго-

ловные дела по собственной инициативе при определенных условиях.

Некоторые ученые наличие в УПК РСФСР 1960 года института частного обвинения рассматривали как определенный компромисс в борьбе с преступностью^[66].

Институт мировой юстиции в России начал возрождаться только во второй половине 90-х годов XX века. Производство по делам частного обвинения стало автономной формой уголовного судопроизводства лишь с принятием УПК РФ 2001 года, который рассмотрение уголовных дел частного обвинения признал разновидностью упрощенной формы судебного разбирательства и регламентировал порядок производства по делам данной категории урегулировал в главе 41 «Производство по уголовным делам, подсудным мировому судье»^[67]. Однако, несмотря на многие издержки становления, мировая юстиция заняла достойное место в судебной системе России^[68].

Заочное производство. Началом формирования советского уголовного процесса заочное производство не знало принципа обязательного участия обвиняемого в рассмотрении его дела судом. Еще Постановление НКЮ от 23 июля 1918 года «Об организации и деятельности местных народных судов» (ст. 21) предусматривало, что неявка обвиняемого без уважительных причин не останавливает разбирательства дела, если только его явка не будет признана судом обя-

зательной. В случае рассмотрения дела в отсутствие обвиняемого на суд возлагалась обязанность вручить обвиняемому копию приговора^[69]. Более полно этот порядок заочного рассмотрения дела урегулировал УПК 1922 года, а позднее воспроизвел и УПК РСФСР 1923 года.

Заочное рассмотрение дела в отсутствие подсудимого допускалось по делам о преступлениях, за которые не может быть назначено наказание в виде лишения свободы; по прочим делам, в случае явно выраженного согласия, либо если доказано, что подсудимый уклонился от вручения повестки в суд или скрывается от суда. Во всех этих случаях судья был вправе признать явку подсудимого обязательной, о чем указывалось в повестке при вызове в судебное заседание.

Не считался заочным приговор, постановленный в случае, когда подсудимый явился в суд после открытия судебного заседания, но до вынесения приговора, был допущен к даче объяснений.

Если заочный приговор был вынесен по делу о преступлении, за которое не могло быть назначено наказание в виде лишения свободы, то независимо от просьбы подсудимого о рассмотрении дела в его отсутствие, или его не явки в суд без уважительных причин, или, возможно, не получения повестки, к приговору, вынесенному в его отсутствие, применялись правила главы «О заочных приговорах». В соответствии с нормами, содержащимися в этой главе, суд был обязан направить подсудимому, в срок не позже трех суток по-

сле вынесения приговора, копию заочного приговора и уведомление о порядке и сроках его обжалования и возможности подачи просьбы о новом рассмотрении дела. Предполагалось, что такой порядок в достаточной степени гарантировал права подсудимого, отсутствовавшего при рассмотрении уголовного дела.

Если же дело относилось к числу тех, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения свободы, то в случае его рассмотрения в отсутствие подсудимого, у последнего не появлялось никаких новых прав. Суд не был обязан вручать ему копию приговора. Таким образом, подсудимый (он мог и не получить повестки) мог и не знать, что в отношении его уже рассмотрено дело и вынесен приговор. Кроме того, в этом случае нарушалось право на кассационное обжалование, поскольку срок обжалования исчислялся с момента провозглашения приговора (ст. 346 УПК РСФСР).

И хотя, законодательное урегулирование заочного рассмотрения дел было несовершенным, данный порядок позволял упрощать уголовное судопроизводство, в случаях совершения преступлений, не наказуемых лишением свободы».

Однако в конце 20-х годов прошлого века такой порядок подвергся критике сторонниками процессуального упрощенчества, сторонниками урезания процессуальных гарантий, которым данное производство представлялось слишком сложным, а право подачи отзыва на заочный приговор –

не нужным^[70]. В результате Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 04.05. 1933 г.) был отменен раздел 1 «О заочных приговорах» главы XXVI УПК РСФСР.

Производство в порядке судебного приказа. Еще одной формой упрощенного производства в истории России был институт разрешения дел судебным приказом, который был введен в 1912 году. Однако уже в начале века высказывались опасения и прямые предостережения против введения данной процессуальной формы.

Так, по мнению И. В. Михайловского, институт судебных приказов не мог достичь ни одной из поставленных перед ним задач. В частности при наличии процессуальной формы заочного производства, избавлявшей обвиняемого от стеснений и издержек, связанных с явкой в суд, введение судебных приказов теряло всякий смысл. При этом заочное производство содержало в себе явное преимущество – судебное разбирательство дела, соответствовало основным принципам уголовного процесса. Что же касается его ускорения, то, как, справедливо отмечалось, «судебные приказы лишь тогда смогли бы способствовать быстроте репрессии, если бы ни один из обвиняемых не требовал судебного разбирательства дела»^[71].

Так или иначе, но за два года до начала первой мировой войны не удалось в полной мере оценить эффективность судебных приказов, этих «приговоров на авось»^[72], как их на-

зывал И. В. Михайловский.

Судья самостоятельно определял наличие оснований для применения порядка судебного приказа. Для этого была необходима «явная бесспорность нарушения». Судебный приказ после его постановления вступал в законную силу немедленно и должен был приводиться в исполнение. Кроме того, назначенное им наказание, не ограничивалось законом.

Производство в порядке судебного приказа известное и УПК РСФСР 1922 года, неоднократно подвергалось изменениям в 1924, 1926, 1933 годах.

Так, 15 апреля 1924 года НКЮ РСФСР издал циркуляр, согласно которому лицо осужденное судебным приказом, и требующее в отношении себя полноценное судебное разбирательство, должно было внести судебный залог в размере присужденного штрафа или в виде определенного эквивалента принудительных работ.

Следующая попытка усовершенствования данной процессуальной формы была предпринята на второй сессии ВЦИК XI созыва, после принятия Постановления от 16 октября 1924 года «О дополнениях и изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР»^[73], лишившее осужденных права требовать рассмотрения дела в общем порядке, они получили лишь право обжаловать приказ в кассационном порядке.

В итоге процессуальная форма производства в порядке судебного приказа с принятием в 1938 году Закона «О судо-

устройстве Союза ССР, союзных и автономных республик» утратила юридическую силу.

Производство в дежурных камерах народного суда.

Порядок производства в дежурных камерах был закреплен в ст. 360–365 УПК РСФСР 1923 года. Дела в дежурных камерах рассматривались народным судьей и двумя народными заседателями. Четкого перечня уголовных дел, по которым осуществлялось или могло осуществляться производство в данной форме, не существовало. Условием производства в дежурной камере было задержание обвиняемого, дело которого, по мнению органов, произведших задержание, не требует особого расследования или по которому он признал себя виновным. Если при рассмотрении дела в дежурной камере подсудимый указывал в опровержение предъявленного ему обвинения на доказательства, которые не представлялось возможным рассмотреть в том же судебном заседании, слушание дела прерывалось, и дело передавалось для рассмотрения в общем порядке.

Анализ ст. 361–363 УПК РСФСР 1923 года позволяет приблизительно определить круг дел, разрешавшихся в дежурных камерах.

Во-первых, это были преступления средней тяжести, во-вторых, преступления, за которые могло последовать наказание в виде лишения свободы, поскольку по иным делам задержание не допускалось, а именно задержание обвиняемого было одним из условий производства в дежурной камере.

В-третьих, по справедливому замечанию П. И. Люблинского, в дежурных камерах не разбирались дела частного обвинения, поскольку, с одной стороны, частные лица не имели права осуществлять задержание, а с другой – отсутствовал «особый интерес в ускоренном разбирательстве дел частного обвинения для публичной власти....»^[74].

Рассматривались дела в дежурных камерах народного суда по правилам, установленным для производства в народном суде (ст. 365 УПК РСФСР). Однако на практике из-за отсутствия обвинительного заключения терялся смысл обсуждения вопроса о последствиях неявки свидетелей, особый порядок направления дел на дополнительное расследование.

Вместе с тем, по справедливому замечанию Т. А. Трубниковой, «отказ от рассмотренных выше упрощенных производств был обусловлен не наличием у них каких-либо недостатков, присущих данным производствам, не противоречием их сути принципам уголовного процесса, но лишь с недостатками их законодательного урегулирования неполного, снабженного многочисленными изъятиями прав обвиняемого, процессуальных принципов, извращающих саму их сущность»^[75].

Протокольная форма досудебной подготовки материалов. Одной из распространенных форм упрощенного производства, несомненно следует считать протокольную форму досудебной подготовки материалов.

Данная форма впервые была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»^[76], в котором речь шла о специфике производства по делам о хулиганстве без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР).

Протокольная форма досудебной подготовки материалов касалась такого преступления, как мелкое хищение государственного и общественного имущества, предусмотренное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР»^[77]. Однако из-за сжатого срока (5 суток) досудебной подготовки материалов эта форма использовалась редко, и потому сотрудники органов внутренних дел подменяли ее дознанием, где были установлены большие сроки.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1985 года определил круг преступлений, на которые распространяется упрощенная форма досудебного производства. При этом учитывались следующие критерии. Первый из них – материальный, предусматривал, что данные составы преступлений не представляют большой общественной опасности, второй процессуальный – подтверждал очевидность обстоятельств, совершения названных преступлений, что дает возможность правильно разрешать соответствующие дела в суде, минуя стадию предварительного расследования^[78]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.